

Евтушенко ЕВГ

22.XI-90

«ПОХОРОНЫ СТАЛИНА»

Евгений Евтушенко представляет свой новый фильм

25 ноября состоится первый показ этой картины — в Харькове, перед избирателями, выдвинувшими поэта в народные депутаты СССР. А 27-го — премьера в Москве, во Дворце спорта в Лужниках. И лишь потом — традиционная премьера для кинематографистов в Доме кино, показ в «России»...

— Это вторая моя работа в кино. Первый фильм — «Детский сад» был автобиографичен. И этот тоже, — рассказывает Евгений Александрович. — Главного героя зовут Женя, он совсем юн, он читает в фильме мои стихи. И он тоже, как и я когда-то, в марте 1953-го попадает в страшную давку на Трубной, в толпу людей, идущих к гробу Сталина. Я уже писал об этом в своей автобиографии в 1962 году, об этом написана поэма Германа Плисецкого «Труба» (она тоже была там), я еще собираюсь вернуться в прозе к этому событию...

Замысел этой работы возник у меня очень давно, много раньше, чем замысел «Детского сада». Я носил в себе все эти годы воспоминание о том, что я был там, внутри этой толпы, этой чудовищной давки... Эта толпа — гигантская, многоликая... Знаете, у нее было в ито-

ге одно общее лицо — лицо монстра. Это и сейчас можно видеть — когда тысячи собравшихся вместе людей, быть может, симпатичных каждый в отдельности, становятся монстром, неуправляемым, жестоким, когда у людей перекашиваются лица... Я помню это, и это было зрелище апокалипсическое...

Ведь что тогда произошло? Комендатура города и МГБ распорядились оградить Трубную площадь военными грузовиками, и со Сретенки, со спуска, хлынула человеческая Ниагара, люди вынуждены были давить друг друга, лезть через дома, квартиры, они гибли, были случаи, когда гибли дети. Это было похоже на то, как толпа прет на футбол или бокс. Те, кто никогда не видел Сталина живым, хотели увидеть его хотя бы мертвым, но так и не увидели. Не увидел и я... Люди не плакали. Плакали, когда услышали сооб-

щение о смерти вождя, на кухнях, на улицах. Здесь же все превратилось в борьбу за выживание, в битву за жизнь. Люди гибли, втиснутые в этот искусственный квадрат из грузовиков. Оцеплению кричали: «Уберите грузовики!» Я помню одного офицера, он плакал, и, плача, спасая детей, он говорил только: «Не могу, указаний нет...» И вот это «указаний нет...» и есть, по-моему, еще одно страшное порождение сталинской системы. Ведь это и метафора нашей сегодняшней жизни: мы по-прежнему загнаны в структурную схему, в клетку, отсюда и национальные распри, и экономический тупик.

Это было сюрреалистическое, абсурдистское зрелище... Ночью дыхание людей было настолько плотным, что на нем отражались тени мартовских деревьев — совершенно сюрреалистическая картина...

Никакой хроники, естественно, тогда не было снято. Я сам видел, как у какой-то иностранной журналистки выбили фотоаппарат, и этот эпизод есть в фильме — эту женщину сыг-

ла английская кинозвезда Ванесса Редгрейв.

Есть официальная хроника, снятая уже в Колонном зале. На Трубной никто ничего не снимал — да и зачем им было это снимать? Я обращался с запросом в КГБ: ничего нет. Картина того Апокалипсиса канула в Лету. Я попытался воскресить эту картину на экране. Но попытался показать и другое — представление этой толпы-монстра: некоторые, в том числе и я, пробовали тогда рассечь толпу, выстроить цепочки, и тогда у людей снова проступали человеческие лица, люди снова становились людьми. Толпа, взявшись за руки, постепенно превращалась в Народ. И это так нужно нам сейчас!

Я всегда любил работать с непрофессионалами. Вот и здесь у меня снялись в главных ролях Денис Константинов и Марина Калитиниченко, им по шестнадцать лет, она школьница, а он уже принят в Щукинское училище. Кроме этих замечательно талантливых ребят-непрофессионалов, у меня снялись известные, прекрасные актеры: Алек-

сей Баталов — он играет моего отца, Майя Булгакова (в роли женщины, вообразившей себя тайной женой Сталина, — у нее есть реальный прототип), Светлана Харитонова сыграла мою тетку, которая тогда, первая в моей жизни, сказала мне, что Сталин — убийца...

Но это картина не о Сталине. Это картина о любви, о счастье. О любви, родившейся во время похорон Сталина. Я хотел бы, чтобы ее смотрели не только люди старшего поколения (смотрели и плакали), но и молодые. Сейчас им, наверно, трудно представить, что и тогда, под тиранией, люди любили, радовались, были счастливыми, что это не были люди-роботы, и были у них какие-то удивительно чистые, драгоценные моменты. В моей поэме «Братская ГЭС» есть такие строки: «Но 17 лет, они и в гетто, что ни говори, — 17 лет»...

То страшное время, время Сталина, для моего поколения — это еще и время первой любви, первых поцелуев. Любовь эта в фильме — главное.

Это печальная картина, но мне бы хотелось, чтобы она вызывала чистое чувство, среди сегодняшней нашей взаимозлобности, чтобы она напоминала, что нет ничего выше, чем любовь между людьми.

На снимке: кадр из фильма.